

«Новое время» թերթին

«...Прочие и хозяйственные расходы»

Это положение конкурса вызвало гнев директоров НИИ

К новому руководителю обычно принято обращаться через сто дней после назначения на должность. **Самвел Арутюнян**, ставший председателем Госкомитета по науке, возглавляет его только 75 дней, но, учитывая, что сам этот комитет в независимой Армении структура новая, а его председатель — ученый, знающий о проблемах науки не понаслышке, мы решили не дожидаться сто первого дня. Тем более что уже появились первые “нестыковки” между новорожденной и старыми научными структурами.

— *Яблоком раздора, как я слышала, стал конкурс по тематическому финансированию.*

— Точнее, положение, согласно которому суммы, выделяемые на “прочие и хозяйственные расходы”, стали меньше. Это вызвало гнев директоров академических институтов, и они поспешили обвинить госкомитет, не дождавшись даже завершения конкурса, не заметив, что зарплата ученых, чьи темы победили, возрастет на 52 процента, с 30 тысяч драмов до 47 тысяч. Объясню, почему мы пошли на это. Тематическое финансирование — это конкурсное финансирование, схожее с грантовой системой, оно предоставляется конкретным темам сроком на 2-3 года. Согласно международным стандартам, “прочие и хозяйственные расходы должны составлять от 3 до 10 процентов”, что и было нами соблюдено. Стремление директоров НИИ покрыть хозяйственные расходы всего института за счет тематического финансирования нереально. Тем более что оно составляет лишь 22% всего объема финансирования. К тому же “хозяйственные расходы” предусмотрены в базовом финансировании, да и средства, выделенные на “прочие расходы”, хозяевами которых являются руководители тем, нередко тоже “уходят” в дирекцию. Что касается расходов на командировочные и приобретение приборов, то в бюджете НАН РА эти статьи выделены отдельной строкой: 19 миллионов драмов предназначено на командировки и порядка 35 млн драмов — на закуп оборудования и его ремонт. Странно, что руководители некоторых академических институтов об этом не знают и, соответственно, не используют их по целевому назначению.

— *В ходе дискуссий по реформированию науки острой критике чаще других подвергались экспертные советы. Однако при проведении этого конкурса в роли арбитра выступали все те же лица. Известно, что вы предлагали отложить конкурс на шесть месяцев, чтобы организовать новые экспертные советы, но...*

— Конкурс был объявлен еще до моего назначения, приказ о котором был отдан 20 ноября. Я действительно хотел отсрочить проведение конкурса, но по объективным причинам сделать это было нельзя. Во-первых, нельзя продолжать финансировать тему, если ее как таковой уже нет, она завершена. Во-вторых, тематическое финансирование охватывает порядка 2700 человек и в ожидании проведения конкурса они вынуждены были бы сидеть без работы... Вот и пришлось пока оставить все как было. Основная проблема в том, что в Армении все друг друга знают и экспертиза как таковая практически не происходит. Не секрет и то, что научные структуры (институты, вузы, кафедры и т.д.), которые возглавляют председатели экспертных комиссий, финансируются лучше остальных. Так что предстоит изменить сам принцип подбора членов экспертных советов. Это должны быть не директора институтов и не руководители отдельных научных структур, а независимые эксперты, которые в настоящий момент активно работают в той или иной области науки, компетентны в ее вопросах и обладают современными знаниями. В Армении таких, в принципе, много. Будем

задействовать и зарубежных ученых-армян. Некоторые проекты сможем направлять на экспертизу россиянам — в договоре, который мы заключаем с Россией, такой пункт оговорен. В свою очередь россияне смогут посылать нам свои проекты на экспертизу. Проводиться экспертизы будут в соответствии с международными стандартами — в режиме онлайн. Утвержденные экспертизой проекты на следующем этапе будут рассматриваться группой ученых из 3-4 человек (но без председателя, чей вердикт обсуждению не подлежал), а затем вынесены на совет, в состав которого войдут президент НАН, представители министерств, имеющих научные учреждения, и Госкомитета по науке. Эксперты должны будут подписать бумагу о неразглашении поступившей к ним информации. Услуги их будут оплачиваться по шкале в несколько раз выше той, что была.

Что касается нынешнего конкурса, то, хотя контракты будут заключены на три года, уже через год независимая экспертиза познакомится с отчетами по идущим работам. Те программы, что хорошо работают, будут продолжены.

— *Вы упомянули об институтах, входящих в системы министерств и ведомств. Сколько их в Армении, за счет чего или кого они живут, вернее — как выживают?*

— Хороший вопрос. Понятно, что отраслевой институт, работая в определенной области, должен заниматься наукой, которая будет способствовать развитию этой отрасли. Парадокс в том, что эти институты, а их в Армении 28, специальных заказов по своим отраслям не имеют и финансируются только государством. Хотя по среднеевропейским стандартам 30% их бюджета должно было пополняться министерствами, в составе которых они функционируют, и производственными предприятиями. Мы планируем досконально изучить этот вопрос и определить статус этих институтов в новых условиях независимой Армении.

— *Что входит в функции Госкомитета по науке, какие шаги уже предприняты и что вообще, на ваш взгляд, значит определять политику в науке?*

— Наука в Армении претерпевает тяжелые времена, об этом все хорошо знают, как знают и об объективных причинах этого. Когда мы были частью большого государства, на армянскую науку выделялось порядка 400 млн долларов в год, а с учетом закрытых тем эта цифра достигала 700 млн. Бюджет науки этого года 23 млн долларов. Комментарии, думаю, излишни. Но есть и субъективные причины. Будучи частью большой советской науки, наша наука решала задачи, связанные с интересами сверхдержавы. Задачи, стоящие перед наукой маленькой республики с очень маленьким бюджетом, иные, но, к сожалению, они так и не были сформулированы. Содержать такое же количество институтов, как в советский период, невозможно, даже при увеличении бюджета в 10 раз, а значит, надо ориентировать идущие в науку средства на результаты. Надо искать и решения, которые способствуют увеличению научного бюджета. Одно из них — интеграция в общеевропейскую систему науки. Есть много международных организаций, выделяющих финансы для совместной работы. Аккумулируется задача, и заинтересованные в ее решении государства выделяют на нее определенные финансы. Так, если мы вкладываем один доллар, то, учитывая наши возможности, они дают три-четыре, что увеличивает объем финансирования соответственно в три-четыре раза. Метод этот широко применяется в Польше, Молдавии и других постсоветских республиках и странах Восточной Европы.

Наука — открытая система, ее нельзя успешно развивать в отдельно взятом государстве. По линии МНТЦ в Армению ежегодно поступает порядка 3-4 млн долларов в год, но тем не менее единая политика сотрудничества с международными центрами так и не была выработана. Решение этого вопроса также является одной из приоритетных задач, стоящих перед нами. В ближайшем будущем — уже в конце февраля — будет подписан договор с Россией о научном сотрудничестве, намечается подписание соглашений с Белоруссией и

Польшей. Польша, для сведения, в качестве научных грантов ежегодно имеет порядка 2,5 млн долларов.

Другой способ — коммерциализация научных результатов. У нас этим также никто до сих пор всерьез не занимался, поэтому и механизм ее не был разработан. Наиболее уязвимыми оказались сами ученые, получившие ценные научные результаты, но не владеющие навыками коммерческой “раскрутки”, а структуры такого профиля в Армении нет. Реализация инновационной политики застыла на этапе благих намерений. Наша задача сдвинуть этот воз с места. Есть законы, которые способствуют коммерциализации научной продукции, но, чтобы они работали у нас, требуется изменить некоторые пункты нашего Закона “О науке и научной деятельности”, провести реформирование Академии наук, ВАК, поскольку правила их работы нередко противоречат общеевропейским, а после подписания Болонского соглашения мы обязаны их соблюдать. К моему удивлению, в академической среде нашлись люди, полагающие, что реформирование означает присоединение исследовательских институтов к вузам. Это абсурд. Речь идет о создании научных центров, кстати, НАН РА в своей системе уже пошла по этому пути. Если научные интересы академических, отраслевых институтов и вузов совпадают, то они могут объединиться вокруг какой-то научной задачи. Однако это вовсе не означает их слияния, каждый сохраняет свою автономию. Никто не собирается ломать то, что работает.

Должен отметить, что многие негативные реакции основаны только на эмоциональном восприятии перемен: “Мы были полностью автономны, а теперь этого не будет”. Между тем об абсолютной автономии в случае, когда финансирует государство, вообще говорить не стоит. К тому же определенная интеграция, и довольно успешная, уже есть. Примерно 30% преподавателей вузов — научные работники академических НИИ.

После распада СССР в руках академии были сконцентрированы все рычаги управления наукой, но она не смогла справиться с ситуацией, поэтому руководство государства (эту же идею высказывало и научное сообщество) сочло необходимым иметь структуру, способствующую единому подходу развития науки в стране. Но определять политику вовсе не означает управлять, скорее координировать, формировать ее так, чтобы все три ее типа — фундаментальная, отраслевая и прикладная — получали необходимое развитие.

— *Фондовая система финансирования исследований, широко распространенная во многих странах, у нас почему-то “засиделась” в гадких утятах.*

— В сентябре этого года в Армении начнет работать фонд содействия науки. В какой-то степени он станет аналогом российского фонда фундаментальных исследований. Одним из пунктов нашего договора, о котором я уже говорил, будет сотрудничество с этим научным фондом, предполагается создание совместных проектов. Исключительно важно развивать финансирование с помощью систем, не находящихся в зависимости от научных властей, но принимающих решения при обязательном участии ученых.

В рамках фонда планируем специальный бюджет для поддержки молодых. Те, кто имеет определенные успехи в науке, смогут получать гранты под свои проекты. Хочу подчеркнуть, что грантовая (то есть конкурсная, под определенный проект) система финансирования научных исследований — то небольшое, что было создано из действительно полезного в сфере государственного управления наукой за последние 15 лет.

С помощью фонда хотим создать также структуру, которая будет способствовать целенаправленному использованию финансовых средств. В нее в качестве консультантов, координаторов войдут известные в стране люди, а деньги будут распределяться в четком соответствии с международными нормами.

— Как вы думаете, наша наука готова оказывать влияние на экономику? Никто не спорит, экономика, основанная на знании, — прекрасный постулат, но реален ли он в наши дни?

— Очень надеюсь, что да. Во времена СССР так и было, а значит, это возможно и сейчас. Тем более что есть реальные перспективы ввести в экономический оборот уже имеющиеся интеллектуальные продукты.

— Нынче модно говорить о падении авторитета науки, самих ученых. Вы намерены как-то повлиять на эту тенденцию, изменить ее?

— Обязательно, но для этого необходимо изменить отношение СМИ (естественно, не “по приказу”) и самих “общественных институтов” к творческим лицам, в том числе и ученым. Общество на протяжении многих лет не имело информации по ситуации в науке. Масс-медиа обычно воздерживались от освещения достижений армянских ученых, зато охотно предоставляли свои пиар-возможности тем, кто компрометировал науку и научное сообщество в целом. Поэтому мы планируем зарезервировать два-три часа на одном из телевизионных каналов и вести грамотные профессиональные передачи, в том числе и по популяризации науки.

— Расскажите о себе, чтобы читатели знали, что вы не очередной функционер от науки, а активно действующий ученый.

— Хотя меня знают очень многие, тем не менее представлюсь. Родился в 1955 г. в Ереване. Доктор физико-математических наук, профессор с 1993 г. С 1994-го по 2004 год заведовал кафедрой молекулярной физики в Ереванском госуниверситете. За эти 7 лет кафедра, которую хотели закрыть, стала одной из ведущих в вузе. В 2000 году был избран деканом физического факультета и проработал на этом посту шесть лет, в течение которых факультет получил гранты на 3 млн долларов. С 2006 года — проректор ЕГУ по научной политике и международному сотрудничеству. Жизнь в науке начал с лаборанта, работал в лаборатории Китайгородского в Москве. Три года проработал в Италии, сначала в качестве стажера-исследователя, потом в качестве профессора. Область, которой занимаюсь, находится на стыке трех наук — физики, химии и биологии, это так называемая life science, которая сегодня является одной из самых перспективных в мире. Возглавив комитет, остался на полставки профессором в университете. Есть у меня свои аспиранты и соискатели. Четверо уже защитили кандидатские диссертации, а один — докторскую. Так что проблемы науки знаю изнутри, что, несомненно, поможет мне на новой работе.

«Новое время», 9 февраля, суббота, 2008

Беседу вела Нора КАНАНОВА